

Прочные узы дружбы связывали известного советского писателя Ивана Катаева (1902—1939) и алтайского советского поэта, сказителя и драматурга Павла Кучияка (1897—1943).

Сегодня мы публикуем воспоминания вдовы Катаева, поэтессы Марии Терентьевой, об одном из эпизодов взаимоотношений И. Катаева и П. Кучияка.

ПОЯЧИЙ июль доцветал в Уймонской долине, но все той же первородной свежестью дышал Алтай; высокая трава предгорий казалась голубоватой от влажности, и речная вода хранила холодок поднебесных снегов».

Так начинается рассказ Ивана Катаева «Под чистыми звездами» о людях и природе Алтая, рассказ, наполненный живым ощущением красоты, силы и неповторимости этого края, воздухом и светом алтайских лесов, гор и долин.

Последний в жизни И. Катаева рассказ был написан им в 1937 году, сразу после поездки по Алтаю. В поездке сопровождал И. Катаева с московскими товарищами алтайский писатель Павел Кучияк, наилучший проводник по труднодоступным горным тропам и перевалам. В путешествии и зародилась дружба между Катаевым и Кучияком.

Но об этом лучше всего рассказал сам И. Катаев в своем выступлении на общем собрании московских писателей 31 марта 1936 года.

«Под Москвой в Голицынском доме отдыха, сейчас живет бородатый поэт Павел Кучияк. Павел — это его крецное имя. При рождении его назали Итькулак, что значит — Собачьи Уши.

Двое старших братьев Итькулак умерли в младенчестве. Их укради злые духи. И вот родители решили обмануть духов: третьего ребенка замаскировать под собаку, чтобы духи на него не подступились. Они придумали для него это имя — Итькулак и продели ему в мочки ушей пучки собачьей шерсти. Успавшая спать в яму, выкопанную в земле возле очага, — это заменило колыбель детям Алтая — они пеленали младенца в собачьи шкуры.

Духота упала после провести, молоть Кучияк уцелел.

Отец Кучияка был кам, шаман, то есть обманщик и артист; религия на Алтае успешнее, чем где бы то ни было, прививалась искусством. Это был талантливый и полубезумный человек, кажется, в самом деле искавший истину то в шаманизме то в православии, то в бурханизме. Под конец ему привиделись три бурханистских всадника на белых конях, он ушел за ними в горы, и там через месяц нашли его труп, растерзанный зверями и птицами.

А сын его, Кучияк-младший, Итькулак, Павел, окончил в Москве Коммунистический университет труящихся Востока. Ему сейчас 38 лет.

Мне и моим товарищам довелось вместе с ним минувшим летом кружить по Алтаю тысячи три километров верхами, и мне кажется, что я узнал его и понял.

Этот человек редкостной одаренности. В своей «Ойротии» он олицетворяет собой едва ли не все искусства. Он там единственный член Союза писателей, поэт, прозаик, драматург, критик, наставник подрастающих поэтов, фольклорист, режиссер, он — выдающийся актер, музыкант, владеющий всеми национальными инструментами, и певец, несущий в своей изумительной памяти все песни, все мелодии родной страны.

Но прежде всего и больше всего Кучияк — национальный рапсод-сказитель, и в то же время поэт, печатающий свои стихи.

Пока мы ездили, он рассказывал нам сказку за сказкой, у костра на човке, и на ходу, и в седле; он пел былину за былиной. И мы поняли скоро, что Кучияк носит в себе огромный и драгоценный груз поэтического богатства своей древней национальности, и это богатство не омертвлено в нем, а живет, бродит и постоянно растет.

Народ знает его.

Мы следили: где бы ни появился Кучияк, в самом глухом урочище, в самом заброшенном, одиноком айле, — всюду обрашивались к нему все лица, и лица этих тутчас всходили улыбка, ему кивали и прятки-

вали трубку и чашку с чегемом. И с первой же его фразы все мгновенно оживало вокруг, возникло веселье, душевный подъем и способов напряжение оживания.

И Кучияк знает свою страну. Он изъездил все долины и перевалы как охотник и рыболов, как журналист, как агитатор юрты-передвижники, как работник аймачного (районного) парткома, потому что он — не только поэт и артист, но и просто гражданин и строитель своей страны. Чем только не занимался он в Ойротии! Однажды — правда, недолго — ему пришлоось быть даже женонравизатором аймана, и среди местного населения его звали Айбаба, то есть — аймачная баба».

И когда к нам в дом, в гости к Ивану Катаеву, вошел высокий человек, смуглый и скучающий, и открыто и в то же время застенчиво улыбнулся, мне показалось, что знакомы мы давно. Ведь Катаев, вернувшись из алтайской поездки, много и увлеченно рассказывал о новом своем друге, Кучияке, о его удивительной одаренности, о внимательности, дружеских ненавязчивых советах в пути. Что может больше сблизить людей, чем дорога и общая любовь к искусству? Путешествие верхами в диких горах, опасности и трудности, и все новые и новые сказания, песни, душа этого края...

Кучияк отряхивал от снега высокую шапку и мохнатую куртку и говорил:

— Вот не думал, что в Москве такая метель. Ветер говорит мне. «Так тебе и надо, кулагу! Зачем приехал?» — Усевшись, обогревшись, он все еще улыбался: — Я из Новосибирска. Отдал деволовскую сказку в «Сибирские огни». Хорошо жил Умный человек, писатель Михаил Никитин, беседовал со мной, по городу меня водил и сказал: «Поехай в Москву. Тут рукой подать». Я отвечаю: «Дорогой друг Иван Катаев приглашал меня. А тут, рукой подать. Вот я и вкатился к вам, как гаежный медведь».

На другой день Катаев с Кучияком пришли в национальный сектор Союза писателей. Кучияк был устроен в Дом творчества Литфонда в поселке Голицыно.

К вечеру на встречу с нашим гостем пришли друзья: Николай Зарудин, Борис Губер, еще несколько писателей и журналистов, все с женами. Стало оживленно, тесно. Зашел и Александр Фадеев послушать алтайского певца.

Мне привелось слушать Кучияка, когда он выступал с большой и разнообразной программой в Доме литераторов: пел, показывал иркские сценики с шаманской пляской, смешил и удивлял, помни его успех у столичных литераторов, но больше всего запомнилось мне его первое выступление в дружеском кругу, в домашней обстановке. И не просто экзотика, необычность привлекали в пении Кучияка: в его исполнении было подлинное мастерство, в мелодиях — то протяжных, то диковато-порывистых — упрямая сила и в то же время наивность, детская открытость. В тесную комнату ворвались древний охотничий клич и неторопливые пастушки напевы. У него был бас, голос необычайной гибкости. Свободно звучало у него горловое пение, вероятно, свойственное алтайцам. Казалось, переливались два разных голоса, мелодия и непонятные слова говорили о чем-то трогательном и значительном. Держался Кучияк оживленно и радостно, чувствовалась прирожденная артистичность. Иногда он коротко и сбивчиво перево-

дил содержание песен, иногда же увлекался настолько, что забывал об этом.

Когда он кончил, начался оживленный разговор. Говорили, что в алтайской поэзии, впрочем, как и в песнях многих других народностей, добрые силы побеждают зло, ум и добра та торжествуют над жадностью и богатством. Затем была намечена программа пребывания Кучияка в Москве: выступления, вечера, поездки. Фадеев обещал помочь в организации вечеров в Доме литераторов и в Доме народного творчества. А Кучияк, растроганный добрым отношением, раскрывал свои скромные мысли:

— Моя мечта — создать алтайский национальный театр. Ездить по самым далеким урочищам, по айлам. Там еще камы-шаманы бьют в барабаны и по мозгам людей. Пусть все, самые бедные и дикие, узнают силу нашего театра, нашей правды.

В начале февраля Кучияк уехал в Голицыно. Небольшой двухэтажный дом в саду Народу немногого, в доме всего девять комнат. В столовой за общим, совсем «семейным» столом ведутся интересные беседы. В первый же вечер к Кучияку в комнату зашла директор дома Серафима Ивановна, поинтересовалась, все ли у него хорошо. Было в ней что-то удивительно распологающее, материнское и доброе. И Павел почувствовал себя здесь хорошо. Впервые в жизни — отдельная комната и досуг. Он много работал, писал, переводил и ждал читал. За время, проведенное в Голицыне, как сам он признался, прочитано было им больше, чем за всю жизнь. Какие неизмеримые ценности открывались ему на сороковом году жизни! Пушкин, Толстой, Горький, Бальзак, Флобер... И не на ходу, не в спешке, не среди десятка других дел, а так, что можно было продумать, пережить, а что-то особенно дорогое перевести на свой родной язык.

И к тому же Кучияк не чувствовал себя одиноким. Люди в доме подобрались талантливые и душевые: Егише Чагаев, Муга Джалиль, Эми Сло, Виктор Финк... Они дружелюбно, внимательно относились к алтайскому рапсоду «Наш интернационал!» — шутил Джалиль, оглядывая это разномилое общество.

Было у Кучияка немало друзей и в Москве. У нас Павел бывал часто. Иногда забегал ненадолго: взять нужную книгу, рассказать о своих делах.

Как-то, вернувшись домой, я застала веселую картину: Кучияк, уже в шапке, порывается уйти, а на нем виснут мой сын Юрий и еще двое ребятишек.

— Покричи еще, как охотник!

— Расскажи, почему бурундуку полосатый?

— Покажи, как медведь бурундука гладил: «Хороший, хороший!»

— Нельзя, в редакцию «Колхозника» надо!

— А что там будешь делать?

— Буду деньги выбивать.

— Покажи, как будешь выбивать?

Лицо Павла вдруг стало несчастным, почти плачущим, он сел в угол на пол, поджал ноги, закачался, заговорил жалобно:

— Ой, нужда, нужда, плох. Шестеро детей, мал, мала, поить-кормить надо! Пятьсот рублей дадите, все пошли детям! А мне что? Крыша есть, суп дают... Шестеро мал, мала... — притягивал он, но мальчишки смеялись. Кучияк вскочил, увидел меня: — Вы думаете, я все глуп, — хитровато подмигнув, сказал он. — Репетириу важ-

ный разговор в редакции «Колхозника».

И, махнув рукой, убежал.

Мартовским прозрачным вечером, когда в городе уже сошел снег и пахнет мимозами, мы втроем — Кучияк, Катаев и я — поехали на концерт в КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока). Кучияк был взволнован, в конце 20-х годов он был здесь студентом, учился два года. Пролетело время, сбылись ли мечты, надежды? В полутемном коридоре Кучияк остановился, сказал печально:

— Я тогда встречался с Назымом Хикметом. Очень большой человек и... — он не сразу нашел нужное русское слово, — и трогательный...

Ярко освещенный зал был переполнен. Нас ждали с нетерпением. Выступала самодеятельность: незнакомые пляски, непривычные мелодии неслись со сцены. Кучияк был гостем, почти знаменитость, и все же близкий всем и обликом, и жизнью, совсем свой! Его встретили бурной радостью, овациями, а когда концерт окончился, окружили тесной толпой. Оказалось, что здесь много земляков, и Павел Васильевич, бывавший в самых дальних районах Алтая, знал их семьи, как говорится, с ними «детей крестил». Посыпались восклицания, вопросы Но постепенно серьезные, строгие парни деликатно посторонились, и Кучияк оказался в кольце разумевшихся девичьих лиц.

— Девушки тебя любят, — пошутил Иван Катаев.

— Еще бы, — сердечно и даже горделиво ответил Павел.

— Я им как отец родной. Их понимать надо. Свою первую поэму я написал о девушке-батрачке. Называется «Арбачи».

— А мы читали «Арбачи». Она настоящая советская героиня, — сказала одна из девушек. Черные глаза Павла залили, он был счастлив.

Как-то мы познакомили Кучияка с нашим гостем из Армении — Герегином Есаяном, начальником политотдела одного из больших плодоносых районов. Наши гости оживленно беседовали вдвоем, не обращая внимания на меня, запятую своим делами. Есаян говорил о необыкновенных свойствах нового сорта винограда, о перспективах виноделия, а Кучияк — о новых заповедниках для маралов, о целебных качествах пантов. Каждый доказывал что-то свое, важное, а потом они неожиданно перешли на разговор о русских людях и душевно, с восторженной любовью отозвались об Иване Катаеве.

А он через несколько дней в своей речи (о которой мы уже упоминали), обращенной к московским писателям, говорил:

...в богатство новых идей, ощущений, фантазий, почерпнутое из братской национальной культуры, должно служить писателю постоянным питающим источником мышления и творчества; и это богатство необходимо бесконечно растить, прорывать, углублять в непрерывном содружестве и сотрудничестве с этой культурой.

...Проходит величественные годы, я назвал бы их годами первого знакомства народов, ранее плюбивших друг друга заочно и утверждавших эти любви в совместной борьбе. Вы знаете ту прекрасную вереницу событий, какую я имею в виду. Вот они встречаются — ойрот и армянин, и иной раз выпадает честь самомузнакомить их, — встречаются белорус и нахмывик, попар и молдаванин, и ведь не на съездах только — для художника, быть может, и не это главное, — но у заводского конвейера, в приемной трактира, на курорте, на концерте, в семье...

...в нашей стране соединились их руки в общем труде, все их мысли, заботы и праздники.